
О. А. ЕФРЕМОВ

**«САМОБЫТНО РУССКИЙ»
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ
ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО
МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА:
ОПЫТ ИСТОРИИ***

На наш взгляд, успешная модернизация общества возможна исключительно как реализация национального модернизационного проекта, представляющего собой специфическую для данного общества программу модернизации, основанную на сочетании общих принципов, необходимых для эффективного функционирования социальных институтов в современных условиях, и особенностей национальной среды. Проект предполагает как особый вариант подобных институтов, так и алгоритм их создания. Существенная роль принадлежит также формированию субъекта осуществляемых перемен. Именно в субъекте репрезентируются и визуализируются сущность и специфические особенности социального процесса. Центральная фигура процесса модернизации – предприниматель. В предлагаемой статье описывается определенный тип отечественного предпринимателя – тип реальный, имеющий вполне определенную историческую локализацию. Более того, он был в полной мере персонализирован в представителях семей Рябушинских, Морозовых, Третьяковых, Бурьшиных и других. В работах П. А. Бурьшикина и В. П. Рябушинского мы можем найти даже его самописание. А у современных исследователей, причем не только у историков, но и у экономистов, он вызывает серьезный интерес. Данный тип, называемый нами «самобытно русским», выступал в XIX – начале XX столетия субъектом создания и вполне успешного функционирования специфической капиталистической хозяйственной модели, адекватной отечественному социокультурному контексту. Ука-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00980 А ««Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического знания». Статья подготовлена в рамках ведущей научной школы МГУ «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Философия и общество, № 2 2020 56–80

DOI: 10.30884/jfo/2020.02.03

званная адекватность предопределяет высокую перспективность описываемого типа с точки зрения развития процесса модернизации России. «Самобытно русский» предприниматель (его еще называют «русский хозяин») – естественный продукт народной среды, а не сознательно созданный конструкт властных структур. Предприятия, созданные подобными субъектами, были предприятиями частными, а не государственно организованными и контролируемыми сверху. Более того, отношения «самобытно русских» предпринимателей с властью всегда были напряженно-напряженными, что имело трагические последствия для русской истории. Формировался данный тип первоначально в староверческой среде, и религиозный фактор играл существенную роль в его возникновении и становлении. Затем, однако, роль данного фактора снижается, остаются лишь общие ценностные ориентиры и принципы ведения дел, конфессионально жестко не ограниченные. Описываются черты хозяйственной модели, реализуемой данным типом предпринимателя – сочетание конкурентности и солидарности, корпоративный самоконтроль, корпоративная «ротация» на основании соответствия деловым стандартам, особая форма отношений между трудом и капиталом, социальная ответственность, умение сочетать традиции и новации и т. д. Предполагается, что усиление влияния «самобытно русских» предпринимателей в обществе было бы одним из условий успешной модернизации. Анализируются причины, по которым подобное влияние было ограничено властью. Ставится вопрос о возможности и желательности возрождения данного типа предпринимательства в современных условиях, и приводятся доводы в пользу положительного решения данного вопроса, несмотря на существенные сложности, отмечаемые многими современными исследователями.

Ключевые слова: предприниматель, российское предпринимательство, модернизация России, старообрядчество, русский хозяин, деловая этика, либеральный проект.

In our opinion, a successful modernization of society is possible only as implementation of the national modernization project, which is a specific program of modernization for this society, based on a combination of General principles necessary for effective functioning of social institutions in modern conditions, and the characteristics of national environment. The project involves both a special version of such institutions and an algorithm for their creation. A significant role also belongs to the formation of the subject of changes. It is in the subject that the essence and specific features of the social process are represented and visualized. The central figure of modernization process is an entrepreneur. The article describes a certain type of domestic

entrepreneur – a real type, which has a well-defined historical localization. Moreover, it was fully personalized in the families of the Ryabushinskys, Morozovs, Tretyakovs, Buryshkins and others. We can find even self-description of this group in the works of P. Buryshkin and V. Ryabushinsky. And modern researchers, not only historians, but also economists, are seriously interested in it. We denote this type as the ‘authentic-Russian’ and in the 19th – early 20th centuries this type represented the subject of establishment and successful functioning of a specific capitalist economic model that was adequate for domestic socio-cultural context. This adequacy determines the large prospects of the described type in terms of development of modernization process in Russia. ‘Originally Russian’ entrepreneur (it is also called ‘Russian owner’) is a natural product of the people’s environment, and not consciously created the construct of power structures. Enterprises created by such entities were private enterprises, and were not publicly organized and controlled ‘from above’. Moreover, the relationship between ‘original Russian’ entrepreneurs and the authorities was always cautious and tense, which had tragic consequences for Russian history. This type was originally formed in the old believers’ environment and the religious factor played a significant role in its emergence and formation. Then, however, the role of this factor is reduced; there are only General values and principles of running business, rigidly not limited by confession. The article describes the features of the economic model implemented by this type of entrepreneur – a combination of competitiveness and solidarity, corporate self-control, corporate ‘rotation’ on the basis of compliance with business standards, a special form of relations between labor and capital, social responsibility, the ability to combine tradition and innovation, etc. It is assumed that the strengthening influence of ‘original Russian’ entrepreneurs in society would be one of the conditions for successful modernization. The reasons why such influence was limited by the authorities are analyzed. The question of the possibility and desirability of the revival of this type of entrepreneurship in modern conditions is raised, and the arguments in favor of a positive solution to this issue, despite significant difficulties noted by many modern researchers are given.

Keywords: *entrepreneur, Russian entrepreneurship, modernization of Russia, old belief, Russian master, business ethics, liberal project.*

Кризис современного либерализма, долгое время выступавшего неоспоримым социальным идеалом, к достижению которого якобы должна была стремиться Россия, заставляет внимательнее приглядеться к альтернативным путям исторического развития, а также к собственному историческому опыту. Именно там, возможно, удастся обнаружить модели, позволяющие выбрать оптимальный путь развития.

Оговоримся сразу: мы не считаем, что либерализм должен быть перечеркнут раз и навсегда. Данная идеология тесно связана с рядом социальных институтов (так или иначе регулируемой рыночной экономикой, контролем общества над властью, называемым обычно «демократией», интеллектуальной свободой), без которых выживание и успешное развитие в современных условиях невозможно. Но нынешние формы либерализма в западном его варианте, к сожалению, реализовали заложенные в нем опасные тенденции, что создает угрозу общественной организации в целом. Имеется в виду описанная нами в ряде работ «тотальная аномия» – всеобщая денормативизация, чреватая полной социальной деструкцией [Ефремов 2016].

Иными словами, мы сталкиваемся с кризисом «эталонного варианта» либерального проекта, что вынуждает нас, если полностью отказаться от такового невозможно, внести в него существенные коррективы.

Опыт «попавших в капкан» должен быть поучителен для тех, кто вступил на путь либерального развития. И следует найти возможности, идя «правильным» путем, избежать уже известных капканов.

При этом учтен должен быть опыт не только эталонного западного либерализма, но и иных «либеральных проектов», отличных от западного и оказавшихся более эффективными применительно к тем условиям, в которых пришлось их воплощать.

На самом деле в мире уже существует множество не слишком широко известных, но весьма эффективных национальных либеральных проектов, позволивших осуществить (или позволяющих осуществлять) успешную модернизацию – японский, южнокорейский, тайваньский, даже китайский и вьетнамский... Данный список далеко не полон. Можно по-разному группировать (типологизировать) подобные проекты, но все они будут отличаться от западного и ориентироваться на особенности эпохи, национальной социальной организации и культурные традиции. Не будет ошибкой сказать, что либерализм в качестве идеологии модернизации реализуется как серия национальных либеральных проектов, ни один из которых не может быть скопирован и успешно осуществлен в иных условиях, хотя все они могут и должны служить материалом (опытом) для создания последующих национальных проектов.

Национальный либеральный проект представляет собой специфическую для данного общества программу модернизации, осно-

ванную на сочетании общих принципов, необходимых для эффективного функционирования социальных институтов в современных условиях, и особенностей национальной среды. Проект предполагает как особый вариант подобных институтов, так и алгоритм их создания. Сформировавшаяся в результате социальная модель может по целому ряду параметров превосходить известные, в том числе и те, опыт которых учитывался в процессе ее создания. В силу этого данная модель сама может стать в чем-то примером для коррекции и дальнейшего развития имевшихся ранее образцов.

Задача выработки национального либерального проекта стоит сейчас и перед Россией и ни в коем случае не может сводиться к автоматическому копированию какого-либо из существующих проектов, в том числе считающегося эталонным западного.

Западный либеральный проект, во-первых, мог быть реализован исключительно в условиях Европы и Северной Америки, а во-вторых, как уже говорилось выше, обнаружил весьма существенные пороки, которые привели в итоге к глубокому общественному кризису, названному нами в ряде работ «тотальной аномией». Тотальная аномия – разрушение всякой нормативности, устранение нормы как таковой и замена ее ничем не ограниченным полем альтернатив. Очевидно, что подобное состояние неизбежно ведет к социальной деструкции, разрушению ценностной и институциональной систем общества.

Примитивное копирование западного проекта позволяет воспроизвести, да и то в карикатурной форме, его пороки (в том числе и элементы тотальной аномии), но не его реальные достоинства, которые делают привлекательным западный образ социальности.

Но и попытка копировать другие, отличные от западного, проекты будет ошибочной.

В последнее время в России интерес к различным «национальным либеральным проектам» значительно оживился. Прежде всего – к свойственному многим из них феномену «диктатур развития».

Термин «диктатура развития» активно применяется по отношению к жестким авторитарным (а порой и тоталитарным) режимам XX–XXI столетий, сумевшим осуществить в своих обществах радикальную технологическую и экономическую модернизацию, по своим масштабам и результатам воспринимавшуюся как «экономическое чудо».

Особенностью подобных режимов была ориентация на ускоренное экономическое развитие, требовавшее существенных качественных изменений в организации производства (модернизации), осуществлявшееся за счет жесткого управления экономическими процессами и подавления любого сопротивления, чреватого нестабильностью и представлявшего хоть малейшую угрозу проводимому курсу.

В подобном предельно широком понимании под данный термин подходят и советский большевизм, и китайский маоизм, равно и как дэнсяопиновский проект «социализма с китайской спецификой», правление пиночетовской хунты, южнокорейский и тайваньские режимы.

Расширение объема понятия негативно сказывается на его содержании и определенности. В силу этого мы склоняемся к несколько иному, более узкому его пониманию, которое обычно применяют к южнокорейскому и тайваньскому варианту, с оговорками по отношению к дэнсяопиновскому этапу преобразований в Китае и с существенными оговорками – к режиму Пиночета в Чили.

Урок, который дает нам опыт «диктатур развития», заключается в том, что нелепо и опасно слепо копировать западный либеральный проект как в силу его несовершенства, выражаемого в том числе и в переживаемом ныне кризисе, так и в силу нереализуемости в иных, «незападных», условиях.

Опыт «диктатур развития», безусловно, важен для нас, но не стоит повторять ошибки, совершенной прежде относительно западного проекта, – сразу же переносить найденное другими на собственную почву, копировать уже не западный проект, а южнокорейский или китайский.

Ведь важнейшее в уроке диктатур состоит даже не в самих принципах диктатуры, а в том, что надо не слепо копировать чужое, откуда бы оно ни шло, но, избирательно относясь к имеющемуся опыту, учитывать особенности своего общества и его культуры.

Иначе говоря, важнейший принцип создания национального модернизационного проекта – у всех учиться, но никого не копировать.

Очень важно в силу этого обратиться к своей истории, к изучению отечественной среды и посмотреть, нет ли там «материала» для создания собственной версии либерального проекта.

Создается ощущение, что либеральный проект принципиально чужд России. И отечественная история, на первый взгляд, подтверждает подобный вывод. Но при более внимательном рассмотрении ситуация выглядит иначе.

Во-первых, чуждым представлялся западный вариант либерального проекта, когда его пытались прямо, без всяких корректив внедрять в России. К слову сказать, мы здесь не исключение. Практически везде за пределами Западной Европы и Северной Америки реакция была аналогичной. Но, как мы показывали выше, многие из незападных стран нашли свой вариант либерального проекта и механизмы его реализации.

И, во-вторых, нам представляется, что в отечественной истории и культуре можно обнаружить необходимые условия для формирования национального либерального проекта. Проекта, не только подходящего России, но и в перспективе, возможно, более эффективного, чем кризисный западный либерализм. Правда, не стоит искать его в качестве завершённой программы или хотя бы идеологической конструкции. Речь идет прежде всего о соответствующих формах деятельности, социальных моделях, сформировавшихся в различных областях жизни России после реформ 1861 г. и только начинавших получать свое идейное выражение¹.

Мы вынуждены констатировать, что не знаем собственной истории. Действительно, известная нам история России на самом деле – история *государства* Российского, история *внешней политики* России, может быть, история *революционного движения* в России, но не история *российского народа*. Он, этот народ, остается неким туманным фоном, бессубъектной массой, с которой совершались властью те или иные манипуляции. Относительно роли народа в его собственной истории по-прежнему царствует пушкинское: «Народ безмолствует».

А ведь именно в его недрах, а не в петербургских и московских кабинетах, вызревало то, что могло стать основой успешного развития России.

---

¹ В этом, нам представляется, заключается одна из главных проблем – перспективные формы организации жизнеустройства так и не нашли адекватного идеологического выражения и подкрепления – ни тогда, на рубеже XIX–XX вв., ни в настоящее время.

В данной связи стоит вспомнить популярные нынче рассуждения о необходимости обретения или развития «субъектности» как условия успешного развития российского общества. И при этом полагается, что субъект исключительно и обязательно должен сидеть в Кремле. Но это пустая идея, особенно относительно «либерального проекта» – субъектность должна быть более широкой. Субъектом в конечном счете должен быть каждый человек. А в Кремле должен сидеть субъект формирования субъектности. «Сверху» необходимо создавать условия для того, чтобы широкая субъектность возникла и развивалась. Иначе о каком либерализме может идти речь?

Воплощение национального «либерального проекта», если подобное вообще возможно, требует именно такой широкой субъектности. Именно в субъекте репрезентируются и визуализируются сущность и специфические особенности социального процесса. Субъект должен быть способен к созданию успешного хозяйства, функционирующего в плодотворной конкурентной среде, социальной самоорганизации и обладать необходимыми для этого нормативными регулятивами. Есть ли у нас почва для появления подобного субъекта?

Ответить на данный вопрос достаточно затруднительно. Но можно, по крайней мере, предположить, что эта почва была и такого субъекта уже порождала.

Официальная история Отечества повествует нам об императорах, государственных деятелях, военачальниках, революционерах и вождях восстаний, которые и играли, по-видимому, ведущую роль в развитии России. Не умаляя значения деятельности этих людей, хотелось бы обратить внимание на другую категорию «исторических акторов», чью роль либо вообще не замечали, либо оценивали далеко не в достаточной степени. Речь идет о российском торгово-промышленном классе.

Значение данного класса в отечественной истории всегда было весьма значительным, хотя и не оценивалось по достоинству ни в общественном сознании, ни в науке, ни в художественной литературе. Ситуация начала меняться только в последние годы, что вполне объективно, ибо в условиях развития капитализма (а именно таков ясно осознаваемый вектор развития России) именно предпринимательскому классу принадлежит ведущая роль.

При этом становится очевидным, что, во-первых, роль эта выходит далеко за рамки собственно хозяйственной деятельности, распространяясь на социальные отношения, политику и т. д.

Во-вторых, что в дореволюционные времена наш торгово-промышленный класс был весьма специфичен и неоднороден.

В-третьих, что становление русского предпринимательства связано с рядом особенностей отечественной истории, далеких от экономики, но оказавших на последнюю существенное влияние.

Российский капитализм, даже дореволюционного времени, принято считать не только не оформившимся в полной мере, но и ущербным по своей природе. Повторимся, такой взгляд держался на поверхностном его рассмотрении и только с точки зрения западного капитализма. То, что в подобной перспективе выглядело пережитком, отклонением, на самом деле могло стать основой нового варианта устойчивого капиталистического развития. Мы имеем в виду в первую очередь капиталистическую модель (модель предпринимательства), сформировавшуюся в торгово-промышленной среде Московского и в значительной мере Поволжского и Сибирского регионов. Модель, связанную, в частности, с именами Рябушинских, Морозовых, Солдатенковых, Третьяковых, Гучковых и т. д.

Именно в их лице на широкую общественную арену впервые вышел «русский хозяин», особый тип предпринимателя, точного аналога в европейской и американской истории не имевший.

Как справедливо писал В. П. Рябушинский, находясь в эмиграции в послереволюционные годы, «нет книг о теории хозяина», в том числе и русского хозяина², конкретно – «хозяина» центрального промышленного района. Подобные планы, по словам Рябушинского, были у П. Б. Струве, но так и остались неосуществленными. Более того, «для обстоятельного исследования, посвященного этой теме, нужно собрать много материала, а такового не только нет, но, пожалуй, даже характер этого материала еще недостаточно выяснен» [Рябушинский 1998: 9]. Увы, за последние почти сто лет

---

² Любопытно, что как сами представители данного сообщества, так и вообще те, кто пишет о русских деловых людях, предпочитают называть их не «предпринимателями», но и не «купцами», а именно «хозяевами» и специально оговаривают отличия «хозяина» от «предпринимателя». Очень показательны в этом плане рассуждения П. Н. Савицкого в знаменитой работе «Хозяин и хозяйство» [Савицкий 1997: 218–222].

мало что изменилось. Даже в постперестроечные годы деятельность этих людей изучалась достаточно однобоко (с точки зрения благотворительности, например), модель хозяйствования, которую они выражали, практически не исследовали³.

А она того стоит.

В. П. Рябушинский отчасти сам заполняет отмеченный им пробел и составляет краткий очерк национального типа предпринимателя в работе «Русский хозяин», к которой примыкает в качестве своеобразной иллюстрации небольшой мемуарного характера текст под названием «Купечество московское». Богатый иллюстративный материал (систематизированный, но минимально теоретизированный) представлен в книге П. А. Бурьшкина «Москва купеческая».

Разумеется, можно предположить, что В. П. Рябушинский и П. А. Бурьшкин, сами относившиеся к почтенным московским купеческим родам, предвзяты и излишне комплиментарны. Но, во-первых, они пишут (особенно Бурьшкин) и об отрицательных явлениях, а во-вторых, принадлежность к московскому купечеству гарантирует знание ими той социальной группы, о которой они пишут, дает возможность увидеть очень важные черты, отличавшие предпринимателей центрального района не только от западных деловых людей, но и от петербургских и южнороссийских их коллег.

В. П. Рябушинский утверждает, что капитализм, «пришедший в Россию», там «встретил не пустое место, а исторический, веками складывавшийся тип **“русского хозяина”**». Кто же он, этот «русский хозяин»? «Сложна и полна противоречий природа русского человека, и “хозяин” не составляет в этом исключения. Классический его тип до сих пор сохраняется в лице **хозяйственного великорусского мужика**. Кто знает этого упорного стяжателя, прижимистого, твердого, настойчивого в труде, смекалистого, ловкого,

---

³ В последние годы данный пробел стал ликвидироваться. Особенно хотелось бы обратить внимание на деятельность Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова, работы историка А. В. Пыжикова, а также цикл исследований Д. Е. Раскова, прежде всего его монографию «Экономические институты старообрядчества» [Расков 2012]. Правда, труды А. В. Пыжикова и Д. Е. Раскова посвящены преимущественно собственно старообрядчеству, а не хозяйственной модели как таковой, хоть и связанной тесно со староверием, но в итоге выходящей за его пределы.

часто очень одаренного, но одновременно обуянного большой духовной гордостью, тот поймет, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову перед заповедями Христа. Такими были и наши предки» [Рябушинский 1928: 47].

Выделяет Рябушинский и отличия «русского хозяина» от западного предпринимателя, основанные на религиозном факторе: «Хозяин-православный во многом отличается от кальвиниста. Мирской аскетизм есть и у нас, но он не постоянный, а периодический, связанный с **постами**. Отношение к богатству тоже другое. Оно не считается греховным, но на бедность не смотрят как на доказательство негодности Богу. Поэтому в России нет того сухого, презрительного отношения к беднякам, которое появилось на Западе после Реформации. Протестанты, конечно, предписывают благотворительность, но, организовав ее очень хорошо формально, они вынули из нее душу, осудив **личную милостыню**, столь дорогую и близкую русскому человеку.

Что же касается сознания своего положения, лишь как Божьего доверенного по управлению собственностью, то оно было внедрено в православного еще прочнее, чем в пуританина» [Там же: 46]

Хотелось бы обратить внимание на последнюю фразу. Действительно, «русский хозяин» отличался своеобразным пониманием частной собственности. Собственность (как и богатство) – это то, что дал Бог, чтобы человек правильно данным ему распорядился, то есть употребил на общее благо. «Богатство это греховным не считалось, но бизнесмен воспринимал себя как человека, у которого потребуют отчета в делах не только люди, но и высшие силы. Потому что ты – просто управляющий капитала от Господа, “Божий менеджер”, если угодно» [Божьи...]

В. П. Рябушинский отмечает, что наиболее престижным деловым занятием считалось фабричное производство, далее шла торговля и, наконец, денежные операции. К последним в силу религиозной небезупречности относились настороженно. Но в целом православные были более терпимы к кредитной деятельности, чем католики, что объяснялось еще и историческими факторами (кредит был основой освоения новых территорий). Осуждались только чистое ростовщичество, финансовые махинации и неоправданно вы-

сокий процент. И в этом состояло отличие от протестантов, по сути, реабилитировавших подобную деятельность.

Как справедливо утверждает Рябушинский, «два обстоятельства являются характерными для старых русских купеческих фамилий. Во-первых, их крестьянское происхождение, во-вторых, глубокая религиозность их основателей» [Рябушинский 1928: 49].

Действительно, московские купцы и промышленники – выходцы из народа, носители его менталитета и традиций, что напрямую влияло на их деятельность. Костяк данной социальной группы формировался в старообрядческой общинной среде. Указанная среда, как уже отчасти говорилось выше, предопределяла специфическое отношение к хозяйственной деятельности (рассматриваемой как служение общему делу), к богатству (не греховно, если нажито честно и выступает средством для благих целей, но не ценно само по себе!), к ответственности перед общиной.

Община обеспечивала поддержку, открывала кредит, защищала в том числе и от государства. Но и требования предъявляла жесткие, как сугубо хозяйственные, так и нравственные. Первые предприниматели в этой среде – кто-то вроде общинных хозяйственных менеджеров, ведущих дела для общины, от имени общины и под контролем общины, в силу наличия к этому делу способностей. Однако все-таки, получая помощь, они были достаточно свободны в собственно деловых вопросах, и достаточно быстро произошла эмансипация от общины наиболее преуспевших деловых людей, что требовалось в интересах дела, ибо общинный контроль мешал порой его развитию. Можно сказать, что птенцы вылупливались из яйца. Но связи с общиной при этом не разрывались. Более того, «хозяева» оставались во многом носителями общинного менталитета, что не только не мешало им, но и, подвергаясь некоторой модернизации, служило основой делового успеха.

Староверчески-общинные корни подобного предпринимательства предопределяли особое отношение к государству. Следует учитывать, что старообрядцы были гонимой группой и государство выступало для них враждебной силой (что не мешало патриотизму староверов и, в принципе, их лояльности монархии). Обоснованное недоверие к государству, своеобразная «катакомбность», с одной стороны, несмотря на связь с общиной, способствовала самостоя-

тельности «хозяев» – свое дело они строили сами, безо всякой поддержки со стороны государства, а то и в противостоянии с ним. Соответственно, что очень существенно, это были самостоятельные частные предприниматели в полном смысле этого слова, а не назначенные государством вести дела хозяйственные агенты. Но, с другой стороны, «катакомбность» затрудняла в дальнейшем сотрудничество с государством, что станет существенным негативным фактором истории начала XX в., во многом породившим революционный исход.

Как констатирует А. В. Пыжиков, «становление внутрироссийского экономического пространства открыло – прежде всего для староверия – невиданные перспективы. Энергия раскола постепенно трансформировалась в создание огромной хозяйственной корпорации, выросшей на религиозных старообрядческих структурах. Наиболее полно ее суть и отражает понятие купеческо-крестьянский капитализм. Именно старообрядческое крестьянство преобразило гильдейское купечество России. Капитализм же дворянский, иностранный в первой половине XIX в. играл незначительную роль, поэтому внутренний рынок стал экономической вотчиной раскола. Однако капитализм в купеческо-крестьянском облике преследовал свои цели. Увидев новые возможности, староверие направило все ресурсы на приспособление к чуждой ему действительности никониан. Это выразилось в общинных принципах ведения хозяйства, где институт частной собственности и конкурентные начала играли второстепенную роль» [Пыжиков 2016: 149–150].

В. П. Рябушинский придавал огромное значение народно-религиозной почве предпринимательского класса и весьма отрицательно расценивал разрыв с ней. В этом он видел одну из причин упадка влиятельных купеческих родов. «Но если во всякой социальной группе верхушка является местом, где идеология класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданий и духа; разрыв духовной связи с ними лишает верхи притока жизненных соков и обрекает их на увядание. Картину такого увядания дает история почти каждого московского большого купеческого рода» [Рябушинский 1928: 48–49].

Представитель московского купечества выделяет пять этапов (поколений) развития купеческого рода: «отцов», «детей», «внуков»,

«правнуков», «праправнуков». Поколения различаются с точки зрения «связи с почвой». «Отец» еще целиком в нее погружен. Он – обычный мужик, только богатый. Его уважают за то, что вокруг него кормится много народу. Если он чего-то и стыдится, то только перед Богом, что мало помогает бедным. Нам данный тип напоминает Потапа Чапурина из дилогии П. Н. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

«Сын» еще во многом напоминает отца, но уже отрывается от почвы и по образу жизни, и по духу. Ему свойственна «профессиональная гордость», размах дела гораздо шире, но шире и благотворительность. «Большие хозяева» потихоньку приближаются к «правлящему классу дворян и чиновников». Данный разрыв, по мнению Рябушинского, гибелен сначала для «идеи» собственности, а потом и вообще для ее существования.

С «внука» начинается «духовное оскудение хозяйской аристократии». Его образ – «кающийся купец», страдающий от несоответствия старых «отцовских» принципов, связь с которыми он еще ощущает, и собственной деятельности. «Печален иногда бывал конец кающегося купца» [Рябушинский 1928: 51]. В. П. Рябушинский мог иметь в виду запои, психические расстройства, деньги революционерам, которые самих же купцов собираются известить, а то и самоубийства. Видимо, воплощением подобного образа может быть Савва Морозов.

«Правнук» – сухой рационалист-делец западного типа – циник. Он проникнут “всецело трезвым мирозерцанием западного капиталиста конца XIX в.”. Он – эгоист, почитающий богатство и надеющийся на армию и полицию. Реализм, однако, его подвел: «трезвый ум обманул реалиста: пришли большевики, и его “счастье” превратилось в миф; это часто бывает с трезвыми умами» [Там же].

Но накануне гибели больших «русских хозяев» в революционном пожаре начал рождаться следующий, пятый тип – «праправнуки», которые пытались возродить в новых условиях идеалы «отцов»: «как раз в последние годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшие в идеалах дедов веру в идею «хозяина», но эти люди опоздали... или пришли слишком рано: удержать лавину они, конечно, не смогли» [Там же].

Более того, на подходе уже была новая волна полноценных «русских хозяев» – прежних «маленьких хозяев», «хозяйчиков», – которые должны были выйти из крестьянской среды.

Чем же была так привлекательна «почва», создававшая «русских хозяев», а точнее, что привнесли эти «хозяева» в практику предпринимательства и общественную жизнь вообще?

Они создали модель предпринимательской деятельности, опиравшуюся на особенности среды, сочетавшую традиционный и инновационный компоненты. Причем данное сочетание превращало традицию из «пережитка» в условие эффективности.

В чем же это проявлялось?

Первое. В особой форме солидарности, корректировавшей недостатки «чистой» конкуренции и индивидуализма. В случае необходимости подобные предприниматели поддерживали друг друга, страхуясь таким образом от капризов рыночной конъюнктуры, не «добывая» в погоне за наживой тех, кто попал в трудные обстоятельства по не зависящим от него причинам, уверенные в том, что и им в случае чего помогут. Однако на поддержку могли рассчитывать только те, кто вел дела честно и разумно, а не авантюристы, проходимцы и неумехи.

Второе. В существовании взаимного кредита, под минимальный процент и зачастую под честное слово, что снимало зависимость от спекулятивного финансового капитала.

Третье. В чрезвычайно жестких стандартах качества и заботе о деловой репутации. Про морозовский текстиль говорили, что «его можно брать с закрытыми глазами», а безупречная деловая репутация обеспечивала не только доверие к товару, но и возможность получить вышеописанные поддержку и кредит.

Четвертое. В высокой степени того, что сейчас называется «социальная ответственность бизнеса». Престиж предпринимателя определялся не столько объемом капитала, сколько количеством и качеством построенных храмов, больниц и школ, степенью поддержки, оказанной науке, образованию, искусству. Очевидно, что это сглаживало социальные противоречия и способствовало прогрессу общества. Подобную социальную ответственность можно рассматривать как иной аспект солидарности, уже не только по отношению к «коллегам-конкурентам», но и по отношению ко всем

людям. Данная солидарность имела, безусловно, религиозно-общинные корни.

Прибыль, доход были оправданы и душеспасительны только тогда, когда шли на общие нужды. Личный труд и его результаты должны были служить обществу, а не просто индивидуальному обогащению.

В значительной степени проявлением солидарности можно считать и патриотизм «русских хозяев», хотя это и более сложное явление. «Русский хозяин» трудился во Славу Божью, но Богу служил через людей. Однако люди – это не только конкретные представители его общины, но и все «православные христиане», вся Россия. Здесь общинная солидарность поднимается до всероссийского патриотизма.

Пятое. В создании успешных механизмов корпоративного самоконтроля. Не соответствующий высоким стандартам, как собственно деловым, так и этическим, человек лишался поддержки сообщества.

Шестое. В формировании особой системы отбора, своеобразной формы социальной мобильности, обеспечивающей ротацию и сохранявшей в сообществе только «пригодных к делу». Купеческие фамилии – не наследственная аристократия. Если потомки не могли вести дела на уровне своих отцов и дедов, они «выпадали» из сообщества, а на их место приходили другие.

В сообщество постоянно «принимались» новые, достойные, из него «выпадали» неспособные или не соблюдавшие неписаную корпоративную этику. На самом деле купеческие рода редко существовали долго. Наследственных аристократических привилегий, гарантировавших «место под солнцем», здесь не было.

Седьмое. В стремлении к техническим новациям. Большинство предприятий были блестяще оснащены технически, а персонал – достаточно квалифицирован.

Восьмое. В особых формах организации рабочей силы. Чрезвычайно интересным и очень мало исследованным явлением можно считать русскую артель. По словам А. В. Пыжикова, «предприятия состояли из артелей, являвшихся основной производственной единицей. Артель непосредственно вела дела, *“рядилась с хозяином”*, получала заработанное, то есть оказывала ключевое влияние на весь ход фабричной жизни. В таких условиях сформировался осо-

бый тип “фабричного”, “мастерового”, психологически весьма далекий от обычного работника по найму в классическом капиталистическом смысле этого слова» [Пыжиков 2016: 147–148].

Артель представляла собой не просто группу людей, совместно подряжающихся на работу, и не европейский профсоюз в полном смысле этого слова. Хотя она и защищала социально-экономические права своих членов, но, кроме этого, контролировала качество их работы и несла солидарную ответственность в случае нечестности или некомпетентности своих членов. Артели объединяли не только рабочих, но и служащих. Например, конторщики и приказчики на многие предприятия нанимались от артели.

Девятое. Несмотря на православные (преимущественно старообрядческие) корни подобной предпринимательской модели, общество было чуждо ксенофобии и конфессиональной ограниченности. В него могли входить и никониане, и иностранцы. Любопытный сюжет описывает один из немногих авторов, проявивших интерес к московскому купечеству, хорошо лично его знавший, так как сам принадлежал к данной среде, – П. А. Бурьшкин⁴.

Десятое. Упомянутый в сюжете юноша Кноп принадлежал к знаменитому в среде предпринимателей Центрального региона

---

⁴ Во время Всероссийской выставки 1896 г., проходившей в Нижнем Новгороде, деловые люди Центрального региона решили оригинально поприветствовать императора Николая II: «Двадцать семь детей из московского и нижегородского родовитого купечества составили отряд рынд, одетых в красивые белые кафтаны с секирами на плечах.

Молодые люди были подобраны один к одному. Костюмы были очень дорогие. У многих были подлинные серебряные секиры. Словом, отряд производил внушительное впечатление и всем очень понравился. Понравился он и Государю, который решил проявить к рындам свое внимание. Обратясь к одному из них, он спросил: “Как твоя фамилия?” “Шульц, Ваше Императорское Величество” – последовал немедленный ответ. И действительно, это был Андрей Иванович Шульц, в будущем маклер по учету при Московской Бирже, очень красивый человек, а в молодости, как говорят, напоминавший юного греческого бога. Тогда Государь обратился к другому с тем же вопросом: “Ну а твоя фамилия?” – “Ценкер, Ваше Императорское Величество” – ответил вопрошаемый. Государь несколько смутился и наудачу спросил еще одного: “А ты как называешься?” – “Кноп, Ваше Императорское Величество”. Государь фамилий больше не спрашивал, но спросил еще одного из рынд: “Что работает ваша фабрика?” Тот, в смущении, вместо того, чтобы сказать “ситец”, ответил: “Чичец, Ваше Императорское Величество»» [Бурьшкин 2015: 31].

немецкому семейству Кнопов. Основатель династии Людвиг Кноп, выходец из Европы, первоначально занимался техническим оснащением московских фабрик, а затем и сам вошел в их капиталы. Но вот что любопытно. Европейский делец, прекрасно знавший организацию производства на Западе и привыкший вести дела по тамошним «цивилизованным» правилам, не только доверял средства «под честное слово» бороатым «варварам в длиннополых кафтанах», но и участвовал потом в их предприятиях, *никогда не пытаюсь вмешиваться в управление и организацию дела, переустраивая все на европейский лад*. Получается, что модель, созданная этими «варварами», представлялась ему успешнее и эффективнее той, что он знал по Европе. А потомки его и вовсе обрусели.

Деятельность Кнопа вообще представляет собой достаточно интересный феномен, иллюстрирующий существенные особенности анализируемой социальной модели.

В первую очередь успех Кнопа (как и вообще «московских иностранцев») опровергает миф о конфессиональной замкнутости и ксенофобии предпринимательского сообщества центрального района. Мы видели выше, какое значение, и совершенно справедливо, придает В. П. Рябушинский связи с национально-религиозной почвой. Действительно, формирование указанной социальной модели напрямую связано со старообрядческой общинной средой. Но достаточно быстро она автономизируется от данной среды и, сохраняя выработанные там принципы, функционирует вполне самостоятельно. Даже на первом этапе рождаться старообрядцем было необязательно. Тогда достаточно было перейти в старообрядчество, что служило формой вступления в сообщество. Те же Рябушинские, например, перешли в староверие, уже став купцами, потому что это было выгодно для дела⁵. Но вскоре формальная принад-

---

⁵ Вот, например, как говорил о выгодах старообрядческого положения Е. Ф. Гучков: «Вы говорите, почему я не приму православие: не говоря уже о батюшке, у которого в руках капитал, скажу вам только вот что: видите, какой поднялся ветер, избави Господи, случится пожар, ярмарка ведь сгорит дотла; в то же время может потонуть или сгореть и товар наш, который идет на ярмарку. Теперь я миллионер, а тогда был бы нищим, а если бы к тому же был православным, то и остался бы нищим навсегда, а как я раскольник-то, то хоть и случатся все эти несчастья, так лет через шесть мои миллионы все-таки ко мне же придут» [Архипова].

лежность к староверию становится скорее вредной, чем полезной. Конфессиональный фактор вскоре оказывается вторичным.

Главное – готовность соответствовать корпоративным нормам плюс деловые качества. При этом не слишком важно, к какой конфессии ты принадлежал – к одному из староверческих толков, официально православию или даже иной христианской конфессии (как тот же Людвиг Кноп). Кноп, правда, потом примет православие, но уже будучи полноправным членом корпорации. Более того, слишком тесная связь со староверческой общиной со временем начинала мешать делу. И потому, что власть негативно относилась к старообрядчеству (одно время староверы даже не могли иметь постоянное купеческое свидетельство), и потому, что староверческие лидеры сохраняли привычку вмешиваться в дела, что было далеко не полезно. Так что даже старообрядцы несколько дистанцировались от общины и, уж во всяком случае, полностью были независимы от нее в решении деловых вопросов.

Еще менее существенны были национальный (этнический) и наследственный факторы.

Именно жесткие нравственный и деловой стандарты обеспечивали и социальную мобильность, ротацию сообщества, о которых говорилось выше.

Приведенный выше краткий очерк касался лишь социально-экономических аспектов, но им дело не ограничивалось. Уже на уровне деловой и общественной жизни демонстрировалась *способность «русских хозяев» к самоорганизации*, к кооперации с другими социальными силами (интеллигенцией, например).

А что это, если не начало формирования отечественного аналога того, что в классической теории либерализма получило названия «гражданское общество» и «демократия»? Неудивительно, что из среды «хозяев» Центрального региона выросли деятели, с которыми непосредственно связана история русского парламентаризма.

Несмотря на дистанцирование от староверческих общин, курс на религиозную и национальную терпимость, не следует забывать, что, при всех изменениях, «хозяева» оставались русскими людьми, тесно связанными с национальной почвой и культурой, нравственными принципами, именно на них они основывали свой успех. Успех – не только чисто коммерческий, но и социальный – терялся,

когда пропадала данная связь. Иноверцы и иностранцы, принимаемые в сообщество, должны были перенимать данные качества и разделять принципы.

В. П. Рябушинский видел «хозяев» не только в состоявшихся предпринимателях, он полагал, что данный тип широко представлен в русском крестьянстве. И ожидал массового выхода «хозяев» из данной среды (он называет их «хозяйчиками» – не уничижительно, в смысле – «маленькие хозяева») на простор общественной деятельности.

И здесь стоит обратиться к весьма существенному моменту в отношениях рассматриваемого предпринимательского сообщества и государства. В целом данная группа никогда сколь-нибудь значимой помощи от государства не получала. Даже протекционистская политика проводилась правительством в интересах помещиков и вопреки интересам центральной промышленной группы. Да и сами предприниматели из народа вызывали к себе подозрительное отношение, особенно когда масштаб их деятельности расширился и приобрел общественное значение, выходящее за рамки собственно производства и торговли. На них ставки не делались ни в экономике, ни в политике.

Но все же правительственная политика невольно сыграла чрезвычайно важную положительную роль в развитии указанного общества. Во-первых, сама враждебность властей способствовала выработке основных принципов его функционирования. Как точно отмечает Е. А. Архипова, «в донесениях чиновников МВД 1840–1850-х гг. довольно часто встречается мысль, что старообрядцы создали государство в государстве. Они, действительно, создали – если не свое государство, то свою социальную общность взамен той, которая их не признавала и преследовала. Поскольку другие “социальные лифты” были для них закрыты, торговля и промышленность позволяли им не только прокормить себя, но и защитить свои религиозные общины от давления, нападок государства. Наличие “внешнего врага” стимулировало их предприимчивость и хозяйственную активность, а отказ в некоторых привилегиях (исполнения общественных должностей), напротив, позволял им сосредоточиться на своем предпринимательском деле. Таким образом, в неблагоприятных для себя условиях старообрядцы проявили

прекрасные адаптационные способности, которые выгодно отличали их от основной массы православного населения» [Архипова].

А по словам А. В. Пыжикова, «староверческий капитализм развивался не по классическим канонам, а по собственным духовным и организационным правилам. Они сформировались еще в первой половине XVIII в. знаменитой Выговской поморской общиной и определялись необходимостью выжить во враждебной никонианской среде» [Пыжиков 2016: 137].

Но еще более существенно, во-вторых, что действия власти не только помогли сформироваться данному сообществу внутри староверческих общин, но и в нужный момент помогли ему эмансипироваться от общин, не порывая связи с ними (и внутри самого сообщества), получить необходимую хозяйственную самостоятельность.

Наибольшая заслуга в этом принадлежит одному из главных гонителей староверов Николаю I.

Желая упорядочить управление империей, он, конечно же, не мог мириться с практически не контролируемым государством самоуправлением староверческих общин, а также с организацией их хозяйственной жизни. Некоторое преувеличение называть подобную организацию «социализмом» (как делает, например, А. В. Пыжиков), но и классического западного капитализма там тоже не было. На наш взгляд, здесь возникает трудность квалификации складывавшихся отношений в терминологии, описывающей классический либеральный путь развития.

Николай и его чиновники прекрасно понимали, что именно благосостояние общин, поддержка ими любого единоверца удерживает многих людей в староверии и, более того, вовлекает в него новых членов. Власть стремится вывести из-под контроля общин большие капиталы, закрепив их на правах обычной персональной частной собственности за юридическими владельцами, то есть теми самыми успешными «менеджерами», в чьих руках они находились. Можно спорить, насколько это было справедливо, но однозначно шло на пользу самостоятельности предпринимателей и позволяло им динамичнее развивать свои предприятия. Ключевой мерой здесь стал запрет на постоянное включение в купеческое сословие староверов, им полагались только временные свидетельства на право

торговой или промышленной деятельности, не дающие важнейших купеческих привилегий, прежде всего освобождения от рекрутской повинности. Пользуясь подобной «поддержкой» властей, многие видные деловые люди из числа староверов освободились от опеки общин и стали самостоятельными владельцами своих предприятий. Однако, порвав со староверием формально, они сохранили многие выработанные в его рамках и полезные для ведения дела принципы, о которых шла речь выше. Николаевские меры, направленные на борьбу со старообрядчеством, объективно способствовали закреплению за предпринимателями из староверческой среды, до той поры зависимыми от общины и игравшими роль своеобразных менеджеров (пусть и с весьма широкими полномочиями), полноценных собственнических прав на их предприятия. Николай, можно сказать, помог созревшим птенцам разрушить скорлупу и вылупиться из яйца. Так, собственно, и сформировалось деловое сообщество, которому посвящена данная статья⁶.

В начале XX в. экономическое развитие сделало актуальной вторую волну освобождения – сельских предпринимателей от крестьянских общин.

В. П. Рябушинский связывал свои надежды с нэпом, но гораздо реальнее это могло осуществиться раньше – в результате столыпинской реформы. По сути, Столыпин мог сыграть для эмансипа-

---

⁶ «Записавшись в православие или оказавшись на временном праве, то есть пройдя через процедуры государственно-церковной регистрации, купцы-староверы и члены их семей с правовой точки зрения оказались сильнее привязаны к своим торгово-промышленным делам. Ведь по законам Российской империи именно они рассматривались как законные обладатели имущества и капиталов... Решения каких-то малопонятных и абсолютно нелегитимных структур власть, даже с учетом немалой коррупции, признать не могла, а теперь и не желала. Юридический фактор становился все более весомым аргументом, а общинные возможности раскола управления своими торгово-экономическими сетями резко снижались... Об обновлении купеческих кадров из крестьянских низов теперь говорить уже не приходилось. Все это привело к довольно быстрому переформатированию староверческой системы. Раньше главенствующую управленческую роль играли советы, наставники, попечители, а частно-семейное владение выступало своего рода адаптером по отношению к властям и официальному миру. Теперь же, в новых условиях жестокого государственного контроля, акценты смещались в сторону тех, кто управлял торгово-промышленным делом, и их наследников» [Пыжиков 2016: 158–159].

ции «хозяйчиков» ту же роль, что Николай I сыграл некогда (невольно) для освобождения от общинной опеки «хозяев» первой волны.

Хотелось бы подчеркнуть, что в основе описываемой модели деловой жизни лежала не простая консервация общинных или каких-либо еще традиций, а их творческое развитие; внимательное, но избирательное отношение к чужому опыту; готовность совершенствоваться; особая рациональность, требующая учета особенностей среды и основанная на понимании неслучайности выработанных историей образцов.

Именно данная способность к развитию, но развитию на традиционной почве, сочетание традиции и новации по критерию эффективности – и есть самое интересное в данной модели. Не сохранение того, что было в старообрядческих или иных общинах, а преобразование в соответствии с изменившимися условиями. Иными словами, наиболее важно не то, что было когда-то, а то, что из этого сделали; не то, из чего выросло, а то, что и как выросло.

Дискуссионным является вопрос о возможности возрождения сегодня данной модели. Некоторые, например, известный исследователь Д. Расков [Номосреден...], в этом сомневаются. Однако есть реальные примеры появления предпринимательских сообществ, стремящихся работать на описанных выше принципах. Пока их немного, но первые результаты деятельности довольно успешны⁷. Очень важно, что здесь вырастает не олигархическая модель бизнеса по принципу: «прихватизировал» – «выдоил» – перевел все за рубеж – сам туда уехал; и не уродливые клоны «фанкового бизнеса», присущего обществу «тотальной аномии», а настоящее крепкое дело, рассчитанное на детей и внуков, связываемое с процветанием своей страны. Безусловно одно – опыт этот надо изучать, и, если возможно, создавать условия для его использования. В этом-то, вероятно, и должна состоять задача государства.

Причем данная задача гораздо шире только изучения отечественного предпринимательского опыта. Она должна стать частью масштабного исследовательского проекта, направленного на изучение российской истории вообще с точки зрения оценки эффективности и применимости в современных условиях выработанных

---

⁷ См., например: [Башмакова; Картофельные...].

в ней социальных моделей. Речь идет и о политических институтах, и о духовных ценностях и т. д.

Мы не рассматриваем подробно (хотя сейчас на эту тему публикуется много работ) имперскую (монархическую) модель политического управления, «симфоническое» взаимодействие государства и церкви и многое, многое другое.

Не можем не сказать и об особой русской духовности, непосредственно связанной с православной традицией. В условиях противостояния «тотальной аномии» она особенно значима.

Существенная сложность состоит в отсутствии адекватного понятийного аппарата. Попытка анализа многих отечественных социальных моделей в терминах классической либеральной теории приводит к потере понимания их сути, а использование почвеннической, славянофильской и евразийской терминологии – соборность, симфоничность, демотичность, идеократия – приводит к их радикально антилиберальной интерпретации, создает опасность разрушения либерального проекта вообще.

Но и изучением собственной истории данные исследования не должны ограничиваться. Их цель в конечном счете – выработка национального модернизационного проекта. А это предполагает и пристальное изучение зарубежного опыта, как западного, так и восточного, в частности опыта знаменитых «диктатур развития», а также анализ состояния современного российского общества. Необходимо увидеть сильные и слабые стороны всех существующих модернизационных проектов, модели, заложенные в отечественной истории, и, самое главное, определить, насколько это применимо к современной России и насколько эффективно с точки зрения ее дальнейшего развития.

Очевиден комплексный характер исследовательских задач. Здесь есть работа и для философов, и для социологов, и для историков, и для политологов, и для культурологов, и для экономистов. Несомненен также государственный характер данного проекта, что предполагает необходимость государственной же его организации и поддержки.

Литература

Архипова Е. А. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I [Электронный ре-

сурс]. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-cerkvi/istoriya-staroveriya/kupci-starobryadci-i-chinovniki-iz-istorii-byurokratizma-i-vzyatochni-chestva-v-carstvovanie-nikolaya-i.html> (дата обращения: 03.03.2020).

Башмакова М. Наследники «русского хозяина» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fontanka.ru/longreads/starover/> (дата обращения: 03.03.2020).

Божьи менеджеры: староверы в бизнесе [Электронный ресурс]. URL: <http://biz.a42.ru/lenta/show/bozhi-menedzheryi-staroveryi-v-biznese.html> (дата обращения: 03.03.2020).

Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М. : Эксмо, 2015.

Ефремов О. А. Формирование идентичности человека в условиях тотальной аномии // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, пропагандистская, информационная государственная политика): материалы научно-практического семинара. Москва, 17 ноября 2015 г. М. : Наука и политика, 2016. С. 53–73.

Картофельные короли: как вологодские мужики миллионерами стали [Электронный ресурс]. URL: rusrand.ru/goodnews/kartofelnye-koroli-kak...tujiki (дата обращения: 03.03.2020).

Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М. : Концептуал, 2016.

Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012.

Рябушинский В. П. Судьбы русского хозяина // Русский колокол. 1928. № 3. С. 44–53.

Рябушинский В. П. Купечество московское / В. П. Рябушинский // Русский хозяин. Статьи. М., 1998.

Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. М. : Аграф, 1997.

Номосcredens: Экономика и старообрядчество [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2014/06/23/old_belief/ (дата обращения: 03.03.2020).